

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1987
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

13. См. Каталог чжонэйского Данчжура, лл. 202-203.
14. См. "Дэбтэр-чжамцо", т. III, л. 227^а4.
15. См. В.Васильев. География Тибета. СПб., 1895, с.
16. Е.И.Кычанов. К проблеме этногенеза тангутов /Тоба-Сэймин-Вамо/. - УП Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., Наука, 1964, с. 7.
17. Там же, с. 8.
18. Б.Б.Барадийн. Буддийские монастыри. С. 120.
19. См.: Е.И.Кычанов. Очерк истории тангутского государства. М., 1968, с. 327.
20. Г.Н.Потанин. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, с. 272. (По данным Г.Н.Потанина вблизи монастыря Лавран обитало поколение Тоба. См. с. 256). Так, путешественник приводит названия двух племен - тебу и тоба.

Н.А.Дулина

ОСМАНСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН 1851 ГОДА

В Османской империи на протяжении веков существовали две системы права - религиозные законы (шариат) и светские, исходявшие от имени султана (кануны). Хотя теоретически кануны не должны были противоречить положениям шариата и были призваны только развивать их, если того требовали изменяющиеся условия жизни, на самом деле в основе канунов порою находились обычаи и правила, которые трудно совмещались с шариатом или противоречили ему. В таких случаях религиозные деятели внешне брали как бы под свой контроль реализацию этих канунов, но и не отменяли их, так как "благо общины" настоятельно требовало их наличия.

Отраслью права, наименее зависимой от правил шариата были уголовные законы, боровшиеся с преступными элементами. Применять по отношению к подобным лицам особенно суровые системы допроса, следствия и наказаний, не допускавшиеся шариатом, считалось необходимым для ликвидации преступности. Однако в число преступников правящие круги и султан могли включать высокопоставленных сановников, и состоятельных торговцев, и предпринимателей. Возможность осудить любое лицо без суда, следствия и достаточных доказательств по системе *siyaseten* (сиясетен)^I приводила к безнаказанности светских судов, процветанию злоупотреблений и беззаконию.

В период Танзимата (1839-1878), когда государственные деятели

обратились к реформам буржуазного характера, чтобы создать более благоприятные условия для развития капиталистических отношений в Османской империи, был принят ряд новых уголовных законов (1840, 1851, 1858 гг.). Их изучение представляет интерес для исследователя, в связи с решением основного вопроса, стоящего перед османистами – в какой мере новые законы способствовали созданию условий для развития капиталистических отношений, а именно – насколько они обеспечивали безопасность частной собственности.

Законодательство Танзимата изучено недостаточно. В частности в литературе не ставился вопрос о количественном соотношении традиционных и буржуазных норм в канунах нового времени. До Танзимата поводом для осуждения могли послужить обоснованные или необоснованные слухи о "чрезмерном" богатстве того или другого лица. "Чрезмерным" признавалось богатство, превышавшее рамки, очерченные религиозно-общественными мусульманскими традициями и верховной властью. На протяжении османской истории известны многочисленные случаи осуждения без суда состоятельных лиц, лишения их имущества и жизни. Такая практика известна и для периода правления султана Махмуда II (1808–1839), то есть она существовала еще перед самым провозглашением Гюльханейского хатта (3 ноября 1839), положившего начало эпохе Танзимата. Таким образом, дотанзиматское законодательство не обеспечивало безопасность жизни и собственности.

Однако законность существования частной собственности буржуазного характера, то есть такой, которой можно было распоряжаться неограниченно и вкладывать в любого рода производство, была признана в период Танзимата не сразу в полном объеме. Земельный закон 1858 г. например, сохранил государственную собственность на землю и не разрешил свободную продажу различных категорий земель (свободно продавались только "истинные" мюльки, в XIX в. они состояли из небольших участков, занятых строениями и садами).

Дотанзиматское законодательство было призвано защищать собственность феодальную, или точнее – формы собственности, свойственные государственному феодализму. Идею о пользе неограниченной и безусловной (=буржуазной) частной собственности для общества и государства (периода капитализма) нужно было сформулировать, внедрить и подтвердить законами. Одним из них был уголовный закон 1851 г.

Как сказано в его Вводной части,² он был составлен для осуществления идей Гюльханейского хатта о безопасности жизни, имущества и защиты чести. "Вследствие того, что постановления мусульманского государства время от времени требуют некоторых изменений: смягчения, уместочения, расширения или сокращения, – говорилось

там, - были приняты дополнительные решения и некоторые изменения, включенные в данный закон наряду со статьями прежних канунов. Закон 1851 г. состоит из трех глав, посвященных 1) неприкосновенности жизни, 2) защите чести, 3) неприкосновенности имущества".

Учитывая сказанное, представляет интерес проследить, насколько в уголовном законе 1851 г. деятели Танзимата, его авторы, поставили преграды злоупотреблениям, которые, в том числе, проистекали и из системы сиясетен, а также из неполного признания идеи частной собственности и из-за имевших место превышений власти.

Предупреждению злоупотреблений служили многие статьи закона. Не перечисляя их все, в общих чертах можно сказать, что закон требовал до вынесения приговора произвести следствие и вынести судебное решение в соответствии с шариатом. Если смертный приговор будет вынесен без соблюдения этих условий, - говорилось в законе, - то приказавший приговаривается к казни. Смертные приговоры должны были получать санкции шейхульислама и султана.

Закон запрещал любое посягательство на чужое имущество. Но наказание за захват чужой собственности, в том случае, если он осуществлялся не разбойниками и ворами, а чиновниками, состояло лишь в увольнении их с должности, а если открытый захват производило частное лицо, то оно ссылалось в другую местность. Такая снисходительность видимо объяснялась традиционной квалификацией открытого захвата движимой или недвижимой собственности как *гаспа* (*gasp*), то есть присвоения без согласия владельца. Традиционно такой захват не наказывался судом, требовалось лишь вернуть захваченное и уплатить стоимость испорченного или нарушенного. Но такой захват не должен был быть тайным, так как в последнем случае квалифицировался как вороство и тогда сурово наказывался.

Закон 1851 г. внес некоторое ужесточение в размеры наказания за кражу. По шариату не всякая присвоенная вещь квалифицировалась как кража. Существовал максимум стоимости присвоенной вещи, который не позволял назвать взятую вещь украденной. Если он превышался, взятое квалифицировалось как кража. Закон 1851 г. назначал наказание за присвоение вещи стоимостью в несколько сот курушей. Причем наказание состояло в принудительной работе в кандалах сроком от трех месяцев до трех лет.

Вместе с тем, несмотря на некоторое ужесточение наказаний за покушение на чужое имущество, в законе есть статьи, свидетельствующие о сохранении принципа сиясетен, то есть осуждения при отсутствии достаточных доказательств. Правда теперь, в 1851 г., эту систему следствия и наказания позволялось применять лишь Верховному

суду (меджлиси валля ахкяи адлие), но не другим светским судам более низких инстанций (например, не суду губернатора). В последней части закона, где речь идет о преступлениях невольников, содержится недвусмысленное разъяснение о наличии в османском законодательстве того времени двух систем расследования преступлений и наказаний за них. Одна из систем названа вынужденной, не одобряемой шариатом. Эта система подразумевала применения угроз во время следствия, — говорилось в законе 1851 г. Приговоры, основанные на этой системе, как следует из конкретных статей закона, были более суровыми — смертная казнь или каторжные работы от пяти до 15 лет. В статье 6 главы I сказано, что за такое тяжкое преступление как побуждение к восстанию и снабжение восставших оружием, преступник осуждался на казнь по принципу сиясетен.

Непосредственно с принципом сиясетен было связано упомянутое в уголовном законе 1851 г. вынесение приговора о суровом наказании или о смертной казни на основе метода тевадюрен (*tevatüren*), то есть "сведений общины", или какого-то числа лиц (*семаатин хабери*). Необходимо подчеркнуть, что приговор выносился не на основе свидетельств этих лиц, а на основе знаний о подозреваемом, имевшихся априорно. Этот принцип признавался достаточным для вынесения приговора в статьях 2, 3 и 7 главы I, где речь шла об убийстве и о злонамеренных речах и делах, направленных против интересов государства.

Таким образом, призывы закона 1851 г. к более строгому расследованию преступлений сочетались с сохранением возможности осудить невинного человека на казнь по принципу сиясетен или тевадюрен.

Представляет интерес, что из 43-х статей закона 1851 г. в 16-ти упоминаются или повторяются законы шариата.

Деятели Танзимата испытывали трудности, совмещая традиционные институты с европейскими. Они понимали, что им будет мешать идеологический консерватизм и слепой фанатизм некоторых слоев общества и что внедрение новой правовой организации рискует вызвать социальные потрясения в стране, если она не будет находиться на одном уровне с предварительно подготовленными новыми моделями жизни и социально-экономической структуры.³ Однако известно, что капиталистические отношения в Османской империи, особенно во второй половине XIX в., заметно развивались. В законодательстве же Танзимата, в том числе в уголовном законе 1851 г., был сохранен целый ряд положений традиционного средневекового мусульманского права (*сийасетен, тевадюрен, гасп* и другие), которые не способствовали безопасности жизни и имущества подданных султана.

Таким образом, законодательные реформы Танзимата с одной стороны создавали почву для развития капиталистических отношений, с другой стороны они были недостаточно целенаправленными и недостаточно решительными.

1. О системе *siyaseten* см. U. Heyd. *Studies in old ottoman criminal law*. Oxford, 1973, pp. 192-194, 198-199, 208, 259.
2. Текст закона см.: *Mesmuai kavanin ve nizamat*. Istanbul, 1267 (1851), с. 128-142 (арабский шрифт).
3. См. O. L. Barkan. *Caractère religieux et caractère séculier des institutions ottomanes*. - *Contributions à l'histoire économique et sociale de l'Empire ottoman*. Paris, 1983, p. 54-55.

К. А. Жуков

ВЕЛИЧИНА КИЛЕ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ АНАТОЛИИ В НАЧАЛЕ XV в.

В. Хинц, автор широкоизвестного справочника по мусульманским мерам и весам, справедливо отметил, что "никто без особой нужды не отваживается сунуться в неразбериху мусульманской метрологии".¹ Эти слова в полной мере можно отнести к османской метрологии, особенно периода формирования Османской империи (XIV-XV вв.).

Исследования по османской метрологии сравнительно малочисленны, что во многом объясняется скудостью и противоречивостью предлагаемых источниками данных. Например, при вычислении такой меры объема, как киле, Э. Шильбах был вынужден опираться на свидетельство первой половины XVI в. Полученная исследователем величина (34, 168 л)² практически совпала с официально установленной величиной османского (стамбульского) киле, а именно: с объемом соответствующим 20 окка пшеницы.³ Э. Шильбах отметил, однако, что поскольку в более поздние времена величина киле в империи значительно варьировалась по районам, можно предположить, что величина киле не была постоянной и в более ранний период.⁴

Впервые киле как мера, используемая в торговле с турками, встречается в трактате Франческо Бальдуччи Пеголотти (20-е - 30-е годы XIV в.). Бывший торговый агент знаменитой флорентийской компании Барди в главе об условиях ведения коммерции в южноанатолийском порту Сеталия (Анталья) пишет: "Пшеница, ячмень и бобовые продаются в Сеталии модием и киле (*ghilla, sing.-ghille, pl.*), и 20 киле составляют I модий".⁵ Подобное соотношение (20:1) было